

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

PHILOSOPHY AND CULTURE IN THE SPACE OF CONTEMPORARY CIVILIZATION

УДК 008.001
ББК 71.0

*Людмила Владимировна Баева,
доктор философских наук, профессор,
Астраханский государственный университет
(414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20 а),
e-mail: baevaludmila@mail.ru*

Проблемы культурной безопасности в изучении фронтальных регионов¹

Статья посвящена проблемам культурной безопасности приграничных территорий (фронтиров). Объектом исследования является сравнение южнорусского и сибирского фронтиров. Предметом исследования является проблема культурной безопасности в фронтальных регионах. В основе исследования лежит методология Дж. Тернера, создателя концепции американского фронта. В статье выявлены особенности фронтиров Сибири и Юга России, их общие признаки, такие как гетерогенность, векторальность, борьба за ресурсы, конфессиональные противоречия, неустойчивость границ, окраинное положение, свободный от традиций образ жизни и др. Анализ истории завоевания Южных окраин и территории Сибири позволил сделать выводы о характере процесса развития российской метрополии, особенностях процесса колонизации прилегающих регионов. Анализ истории и теории фронтиров показал, что эти территории во многом так и остаются маргинальными, неустойчивыми, что вызывает угрозы культурной безопасности в этих регионах. Результаты исследования показывают, что в современный период Южно-Российский и Сибирский фронтиры демонстрируют признаки рефронтации, формирования пограничья, направленного на «освоение» России со стороны её соседей (стран Кавказа, Средней Азии, на юге Китая, в Сибири).

Ключевые слова: культурная безопасность, фронт, рефронт, пограничье, Сибирский фронт, Южно-Российский фронт, гетерогенность, гетеротопия.

DOI: 10.21209/2307-1826-2016-11-2-37-42

*Liudmila Vladimirovna Baeva,
Doctor of Philosophy, Professor,
Astrakhan State University
(ul. Tatishcheva 20 A, Astrakhan, 414056 Russia),
e-mail: baevaludmila@mail.ru*

Problems of Cultural Safety in the Study of Frontiers²

The article is devoted to problems of cultural security of frontiers. The object of the research is comparison of southern Russian and Siberian frontiers. The subject of the study is the problem of cultural safety in the frontier regions. The methodology of study is J. Turner's theory who was the creator of the concept of the American frontier. The article considers the peculiarities of the frontiers of Siberia and Southern Russia, identifies their common features, such as heterogeneity, intentionality, competition for resources, religious conflicts, unstable borders, borderland position, lifestyle free from traditions, etc. The analysis of the conquest history of the Southern regions and Siberia allows us to draw conclusions about the nature of the development process of the Russian metropolis, the

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Проект № 15-33-11172 «Культурная безопасность в условиях гетеротопии»)

² The research is financially supported by the Russian Humanitarian Science Foundation project (no. 15-33-11172 "Cultural Safety in the Conditions of Heterotopias")

peculiarities of the colonization process from the surrounding region. The analysis of the history and theory of frontiers shows that these areas largely remain marginal, unstable, causing threats to the cultural security in these regions. In the modern period, South-Russian and Siberian frontiers show signs of re-frontier, forming the border aimed at Russia's developing by its neighbors (countries in the Caucasus, Central Asia in southern China and in Siberia).

Keywords: cultural safety, frontier, re-frontier, borderland, Siberian frontier, South-Russian frontier, heterogeneity, heterotopy.

DOI: 10.21209/2307-1826-2016-11-2-37-42

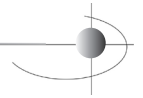
Переселения, миграции, завоевания всегда относились к факторам, вызывающим значительные изменения в социальной и культурной динамике. Заимствования, обмен традициями, опытом, религиозными верованиями, знаниями позволяли обществам развиваться интенсивнее не только за счёт внутренних процессов, но и в результате внешнего воздействия. Столкновения различных культур в процессе переселений больших групп людей приводило как к их синтезу, обогащению, так не редко и к разрушению, утрате тех или иных достижений побеждённой стороны. Территории одних народов, которые попадали под влияние других, становились своеобразным фронтиром, пограничьем. А поскольку процессы заселения новых земель были длительными и неравномерными, их границы были достаточно условными, подвижными, меняющимися в обоих направлениях, оказывая влияние на каждую из сторон. Фронтиры всегда создавали риски культурной безопасности в силу высокой неустойчивости, неупорядоченности их жизни, что характерно как для классической истории, так и современности. Мы рассмотрим историю и теорию фронтиров на примере Сибирского и Южно-Российского, а также обозначим их общие черты и специфику.

Прежде всего, необходимо обозначить, что культурная безопасность будет рассматриваться в контексте подхода, разрабатываемого нашим научным коллективом под руководством А. П. Романовой «с одной стороны, как поддержание безопасности в культурной сфере (предотвращение религиозных и этнических конфликтов, упадка духовности, разрушения культурных памятников), и с другой – как поддержание национальной безопасности и состояния системного равновесия культуры в условиях межкультурных вызовов, поддержание наработанных культурных паттернов, несмотря на культурные конфликты или взаимовлияния» [7, с. 259]. На территориях фронтиров – зон с подвижными границами, активной динамикой в продвижении культурных паттернов на новые земли возникают особые риски для культурной безопасности, прежде всего это касается народов, подвер-

гаемых вытеснению. Но угрозы культурным традициям и паттернам могут касаться и той традиции, которая утверждается на новом месте, поскольку здесь вступают в силу процессы ассимиляции, аккультурации, культурный синтез и др.

Впервые проблемы изучения фронта начал рассматривать в XIX в. американский историк Ф. Дж. Тернер, ставший основателем теории фронта и автором этого понятия [13]. Отечественные исследования проблем фронтиров начинаются лишь 90-х гг. XX в., и, прежде всего, они были связаны с изучением освоения Сибири [3; 4; 8; 9]. В то же время применение методологии фронтирных исследований оказалось перспективно и для других пограничных регионов России, в том числе Юга России. Опираясь на исследования коллег, изучающих Сибирский фронт, попробуем сопоставить его с Южно-Российским фронтиром, пока ещё мало изученным, но вызывающим справедливый интерес учёных и первые наработки в этой области [10].

Прежде всего, необходимо уточнить сам термин «фронт» и его содержательное наполнение. Изначально, по Тернеру, фронтиром называлась территория с подвижной границей, область захваченной у американских индейцев земли, которая переходила из рук в руки и оказывалась под влиянием коренного населения и переселенцев на «дикий Запад». Н. Ю. Замятин отмечает, что фронт это «зона неустойчивого равновесия», где имеют влияние несколько сил [3]. Мы будем опираться на предложенную ранее теорию классификации типов фронта, в которой выделяем цивилизационный, межкультурный, межконфессиональный, этнический, технологический, ценностный, информационный, военно-политический, языковой типы [1]. Поясним два основных типа фронта, важных для нашего исследования. *Цивилизационный фронт* понимается нами как территория с подвижной границей между передвигающимися (в процессе захвата или миграции) народами, стоящими на различных стадиях развития социально-экономической жизни, технологического уклада. Примерами цивилизационного фронта является классический аме-

риканский фронтир между белым европейцами и индейцами Америки. *Межкультурный фронтир* – зона с подвижной границей между культурами, стоящими приблизительно на одном материально-техническом уровне, связанная с их взаимопроникновением и влиянием друг на друга (проникновение европейцев в Китай, Индию в Новое время).

Данная типология может быть использована при изучении процесса завоевания той или иной территории, когда имеет место проявление комплекса всех видов фронта одновременно (поскольку имеется разница в культуре, уровне цивилизации, технологии, религии и т. д.). Однако могут иметь место и отношения, при которых выделяется тот или иной тип фронта как доминирующий; например, процесс исламизации или христианизации связан с межконфессиональным типом фронта, в то время как технологические или этнические различия могут и не играть при этом существенной роли.

Исходя из наиболее существенных признаков фронта, проанализируем особенности его проявления на территориях двух крупных российских фронтиров: юге России и в Сибири.

Прежде всего, фронтир отличает векторальность, направленность на продвижение по новым землям, с подчинением одного субъекта другим (цивилизационный тип фронта). В результате возникает подвижность границы, которая проявляется в результате завоевания земель, переселений народов, миграционных процессов.

Юг России, Нижнее Поволжье и Прикаспий – территория, которая была фронтиром исторически, поскольку её неоднократно завоевывали различные народы, в том числе скифы, сарматы, хазары, татаро-монголы, наконец, войска русского царства. Эти народы оседали на этой территории, образовывали уникальный синтез. Продвижение границ Российского царства на южные территории, как известно, произошло в XVI–XVII вв. путём завоевания Казанского ханства и относительно мирного присоединения Астраханского ханства царём Иваном Грозным. Процесс освоения русскими этих земель, на которых со времён Золотой Орды проживали татары, ногайцы, калмыки, осевшие кочевые народы, с XVII в. был постепенным, мирным и не был похож на американский вариант проникновения европейцев на Дикий Запад. Освоение южных территорий в направлении Каспийского моря начинается ещё с середины XVI в. История этого вопроса свидетельствует о том,

что долгих противостояний и военных конфликтов здесь не было. В 1556 г. в Астраханское ханство Иваном Грозным был направлен отряд казаков во главе с атаманом Филимоновым. Уже зная о поражении Казани, Астраханское ханство сдалось без сопротивления. Царём Астрахани стал считаться московский правитель, а на месте от его имени управляли русские воеводы. Астраханское ханство окончательно вошло в состав России. Присоединение Астраханского ханства во многом происходило мирно, хотя отдельные военные противостояния имели своё место. С этими процессом были сравнимы и завоевания территорий Урала и Сибири.

Освоение Сибири начинается с 1581 г., с похода Ермака и формально завершается в 1639 г., когда казаки вышли к Тихому океану. Но тайга и тундра, которые составляли основную территорию Сибири, были малозаселёнными, поэтому здесь территория фронта имела свою специфику. Характер завоеваний Сибири казаками Ермака, как и в случае завоевания Казанского и Астраханского ханства, отличался от завоеваний англичанами земель американских индейцев: противостояние здесь вели не первобытные по уровню развития народы, а вооружённые воины в железных доспехах, с саблями и кольчугами, обладающие прекрасными навыками наездников. Разница в уровне развития двух столкнувшихся цивилизаций здесь имела место, хотя и не настолько контрастно, как в Америке. Эти завоевания положили начало формированию России как крупнейшего в мире евразийского государства.

Современный российский исследователь С. Скобелев подчёркивает, что «уже при присоединении Сибири применялся имперский опыт управления коренными народами, базировавшийся на практике управления подвластными народами, которая использовалась здесь ранее монголо-татарами» [8, с. 181]. Он заключался в минимальном вмешательстве во внутренние дела новых территорий и поддержке внутреннего самоуправления, в невмешательстве в дела религии и отсутствия (за редкими исключениями) прямого насилия при христианизации, взимании достаточно небольшой по размерам дани. С. Скобелев полагает, что «основные принципы имперского административного опыта татаро-монголов (наряду с некоторыми дополнениями), широко использованные российским самодержавием в практике управления народами Сибири, просуществовали до начала XX в.» [8].

О том, было мирным и бескровным завоевание Сибири или носило характер военного захвата, в отечественной истории ещё идут дискуссии, высказываются крайние точки зрения, что подробно излагает А. С. Зуев в статье «Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии» [4]. Он полагает, что истинный анализ событий вряд ли позволяет охарактеризовать их как «мирное присоединение», хотя фактического подтверждения военных столкновений, конфронтации и насилия над местным населением не сохранилось.

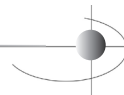
Однако вернёмся к сопоставлению Южного и Сибирского фронтиров. Особенностью их выступает высокая степень гетерогенности. И Юг России, и Сибирь отличает наличие разнородных культур, народов, этносов, исторически развивающихся в значительной близости друг от друга и имеющих подвижные границы. На территории Юга России традиционно проживали русский, казахский, татарский этносы, народы Кавказа, среди которых значительную долю составляют азербайджанцы и народы Дагестана. Начиная с момента присоединения к Российскому государству, русский этнос составлял меньшинство населения Астраханской губернии, только в XIX в. он начинает доминировать по численности по отношению к другим. Южный регион России стал местом проживания более 150 народов, 3 основных мировых конфессий, перекрёстком культурных традиций Востока и Запада. Этот регион исторически представлял собой пограничье, мир с меняющимися границами и высокодинамичными социальными, политическими, духовными процессами.

Что касается Сибирского фронта, то он также соединяет территории, где проживало множество этносов с разнообразными культурными традициями, что продолжило формирование России как евразийской страны. В Сибирское ханство до его завоевания входили сибирские татары, ханты (остяки), манси (вогулы), зауральские башкиры, якуты и др. Объединение народов в составе одного государства с одной стороны нанесло сокрушительный удар по их самобытной культуре, языку, традициям, многие из которых были безвозвратно утрачены, а с другой – создало новое единство народов, наладило коммуникацию между ними, способствовало их консолидации в составе целого.

Ещё одной значимой особенностью фронта, как правило, выступает высокая конфессиональная неоднородность, которая также имеется в Южно-Русском и Сибирском

фронтах. На территории Южного фронта две мировые религии – христианство и ислам исторически играют главную роль, несмотря на присутствие калмыцкого буддизма и иудаизма (со времён Хазарского каганата). Сибирский фронт оказался зоной пересечения православия и традиционных языческих культов, вытеснение которых было подобным миссионерству на Диком Западе в Америке. Астраханские земли традиционно были перекрёстком религий, вбирая традиции от Итиля – столицы Хазарского каганата, где официальной конфессией был иудаизм, и Сарая-Бату с приверженностью исламу; будучи близкой к буддистской Калмыкии, Астраханская губерния многие века была поликонфессиональной областью. После присоединения к России здесь начинается рост влияния христианства, строительство православных храмов и монастырей. Однако существенных конфессиональных конфликтов, связанных с насильственными методами проведения христианизации, не происходило. Это связано во многом с историческими традициями многонационального края и с тем, что конкурирующими сторонами выступали равные по значимости и статусу конфессии (в отличие от Сибирского фронта, где христианство противостояло языческим верованиям).

Важной чертой фронта является его периферийное положение, что находит отражение в частом отходе от правил и норм жизни, принятых в центре страны. И. П. Басалаева отмечает, что маргинальное геополитическое расположение фронта сказывается на таких явлениях, как административное бесправие и номинальность политической власти [2]. В зоне Нижнего Поволжья ещё с царских времён собирались «беглые люди», торговцы из различных земель, вольные рыбаки, не имевшие личной зависимости. Здесь была своеобразная вольница, не действовало крепостное право, можно было жить более свободно, чем в центральных регионах России. Ещё более ярко это проявилось в Сибири, о чём образно написала в своей работе «Зона освоения (фронт) и её образ в американской и русской культуре» Н. Ю. Замятина: «На краю обжитой территории в России и США оказывались люди сходной закваски: волей чрезвычайных обстоятельств, из-за неумеренных амбиций или просто непоседливого характера “вытолкнутые” из традиционного общества своей страны. Это отчаявшиеся бедняки, вроде хронически страдавших от неурожаев ирландцев и обитателей лондонского “дна”... Предприимчивые дельцы и про-

сто авантюристы. Степенных благопристойных граждан туманные окраины не манили ни в Америке, ни в России» [3].

Важной чертой фронта является и наличие природных богатств, за которые идёт борьба, будь то земля, золото, нефть, рыбные запасы и др. Р. Биллингтон, развивая теорию фронта, отмечал, что его характеризует «низкая плотность населения и обычно богатые и слабо разработанные природные ресурсы» [11]. Интересы каждой из сил, присутствующих в зоне фронта, выражаются в стремлении закрепить собственное доминирующее экономическое положение. В Сибири это были пушнина, серебро и золото, позже алмазы, лес, газовые и нефтяные месторождения. В Южно-Российском регионе в качестве важного геополитического ресурса выступал выход к Каспийскому морю, а также природные ресурсы дельты Волги и Северного Прикаспия.

Современная ситуация свидетельствует о том, что наиболее значимым ресурсом Сибирского и Южно-Российского регионов оказываются крупнейшие запасы газа и нефти, которые играют определяющую роль для экономического и политического развития государств. Ресурсы и безопасные территории с развитой инфраструктурой привлекают народы из регионов, где возникают проблемы с политической, экономической или демографической угрозами. В результате фронта, которые первоначально были направлены от Центра к периферии и где русская культура продвигалась на заселённые территории, превращается в рефронт — зону, где процесс движения культурной границы направлен к Центру, а русская (в данном случае уже российская) культура теснится культурой народов Дальнего Востока (в Сибири), Кавказа и Средней Азии (на Юге России). Под влиянием активных миграционных потоков фронтальные проблемы

вновь становятся обострёнными, хотя их источник находится не в глубине империи, а близки её границ. Как в Сибири, так и на Юге России сегодня возникает проблема сохранения культурной безопасности в условиях гетерогенного, гетеротопного пространства, в котором сосуществуют различные традиции, эпохи, верования, жизненные уклады.

Итак, фронтальные области имеют свою специфику, которая состоит в наличии определённых признаков, маркеров, таких как гетерогенность, векторальность, интенсивная борьба за ресурсы, конфессиональные противоречия, неустойчивость границ, окраинное положение, свободный от традиций образ жизни и др. Эти факторы способствуют формированию фронтов как особых неустойчивых зон, развитие которых, как правило, не приводит к их упорядочению, строгому подчинению традициям, закону, общим требованиям. Несмотря на то, что здесь складываются открытые толерантные межкультурные отношения, эти области относятся к группе риска, особенно в сфере культурной безопасности.

Современные глобализационные процессы не позволяют оставить теорию фронта исключительно для анализа прошлых лет. Территория Сибири сегодня становится зоной нового фронта, на этот раз речь идёт о массивном проникновении Китая (точнее граждан Китая) на российские территории за Уралом. Южно-Российский фронт так же переживает свой новый этап истории: здесь происходит активное движение народов Кавказа и Средней Азии в Нижнее Поволжье. Мощные миграционные потоки меняют сегодня очертания России, её культурный, этно-конфессиональный облик, причём не только окраин, но и самой столицы, заставляя задуматься о том, что целая страна сегодня способна оказаться в неустойчивом пограничном положении.

Список литературы

1. Баева Л. В. Типология и проблемы Южно-Российского фронта // Вестн. ВолГУ. 2014. № 2. С. 32–39.
2. Басалаева И. П. Критерии фронта: к постановке проблемы [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития: электрон. науч. журнал. 2012. Режим доступа: <http://www.teoria-practica.ru/> (дата обращения: 20.02.2014).
3. Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронт) и её образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75–89.
4. Зуев А. С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Культурный космос Евразии. Новосибирск. 1999. Вып. 1. С. 124–136.
5. Панарина Е. С. Мифы и образы Сибирского фронта [Электронный ресурс] // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2. № 1. Режим доступа: <http://www.gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/60> (дата обращения: 09.03.2015).
6. Романова А. П., Топчиев М. С., Саракаева Э. А. Межкультурные коммуникации на фронте и вне фронта (сравнительный анализ) // Каспийский регион: экономика, политика, культура. 2013. № 3 (36). С. 298–303.
7. Романова А. П. Культурная безопасность как предмет философских дискуссий // Каспийский регион: экономика, политика, культура. 2012. № 4 С. 258–263.
8. Скобелев С. Демография как политика. Коренное население Сибири в составе Российской империи и СССР: динамика численности как отражение политики центра [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mreadz.com/new/index.php?id=343744&pages=48> (дата обращения: 09.08.2015).

9. Тихонов А. А. Фронтир Сибирский и Американский: точки зрения // Материалы науч.-практ. конф. «Вагановские чтения-2010» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://samlib.ru/t/tihonov_zagraniy/frontirsibirskijamerikanskijtochkiizrenija.shtml (дата обращения: 26.02.2015).
10. Якушенков С. Н., Якушенкова О. С. Американский фронтир и российские аналоги в Поволжье и на Нижней Волге // Каспийский регион: экономика. Политика. Культура. 2010. № 1. С. 109–114.
11. Billington R. A. America's Frontier Heritage. Albuquerque: University of New Mexico Press. 1991. 432 p.
12. Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire 1500–1800. Bloomington: Ed. Indianapolis, 2002. 346 p.
13. Turner F. J. The frontier in American history. N. Y.: Henry Holt And Company, 1962. 373 p.

References

1. Baeva L. V. Tipologiya i problemy Yuzhno-Rossiiskogo frontira // Vestn. VolGU. 2014. № 2. S. 32–39.
2. Basalaeva I. P. Kriterii frontira: k postanovke problemy [Elektronnyi resurs] // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya: elektron. nauch. zhurnal. 2012. Rezhim dostupa: <http://www.teoria-practica.ru/> (data obrashcheniya: 20.02.2015).
3. Zamyatina N. Yu. Zona osvoeniya (frontir) i ee obraz v amerikanskoi i russkoi kul'turakh // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1998. № 5. S. 75–89.
4. Zuev A. S. Kharakter prisoedineniya Sibiri v noveishei otechestvennoi istoriografii // Evraziya: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsii. Kul'turnyi kosmos Evrazii. Novosibirsk. 1999. Vyp. 1. S. 124–136.
5. Panarina E. S. Mify i obrazy Sibirskogo frontira [Elektronnyi resurs] // Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya. 2013. T. 2. № 1. Rezhim dostupa: <http://www.gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/60> (data obrashcheniya: 09.03.2014).
6. Romanova A. P., Topchiev M. S., Sarakaeva E. A. Mezhekul'turnye kommunikatsii na frontire i vne frontira (sravnitel'nyi analiz) // Kaspiiskii region: ekonomika, politika, kul'tura. 2013. № 3 (36). S. 298–303.
7. Romanova A. P. Kul'turnaya bezopasnost' kak predmet filosofskikh diskussii // Kaspiiskii region: ekonomika, politika, kul'tura. 2012. № 4 S. 258–263.
8. Skobelev S. Demografiya kak politika. Korennoe naselenie Sibiri v sostave Rossiiskoi imperii i SSSR: dinamika chislennosti kak otrazhenie politiki tsentra [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa: <http://mreadz.com/new/index.php?id=343744&pages=48> (data obrashcheniya: 09.08.2015).
9. Tikhonov A. A. Frontir Sibirskii i Amerikanskii: tochki zreniya // Materialy nauch.-prakt. konf. «Vaganovskie chteniya-2010» [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://samlib.ru/t/tihonov_zagraniy/frontirsibirskijamerikanskijtochkiizrenija.shtml (data obrashcheniya: 26.02.2015).
10. Yakushenkov C. N., Yakushenkova O. S. Amerikanskii frontir i rossiiskie analogi v Povolzh'e i na Nizhnei Volge // Kaspiiskii region: ekonomika. Politika. Kul'tura. 2010. № 1. S. 109–114.
11. Billington R. A. America's Frontier Heritage. Albuquerque: University of New Mexico Press. 1991. 432 p.
12. Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire 1500–1800. Bloomington: Ed. Indianapolis, 2002. 346 p.
13. Turner F. J. The frontier in American history. N. Y.: Henry Holt And Company, 1962. 373 p.

Библиографическое описание статьи

Баева Л. В. Проблемы культурной безопасности в изучении фронтальных регионов // Гуманитарный вектор. Сер. Философия. Культурология. 2016. Т. 11, № 2. С. 37–42.

DOI: 10.21209/2307-1826-2016-11-2-37-42

Reference to article

Baeva L. V. Problems of Cultural Safety in the Study of Frontiers // Humanitarian Vector. Series Philosophy. Cultural Studies. 2016. Vol. 11, No 2. P. 37–42.

DOI: 10.21209/2307-1826-2016-11-2-37-42

Статья поступила в редакцию 24.02.2016